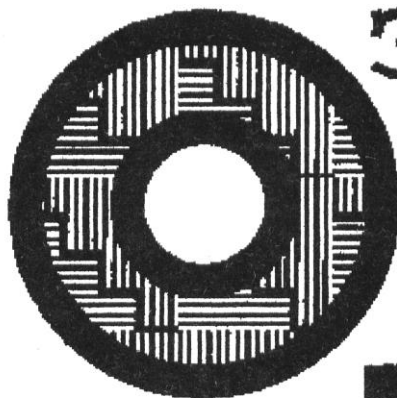
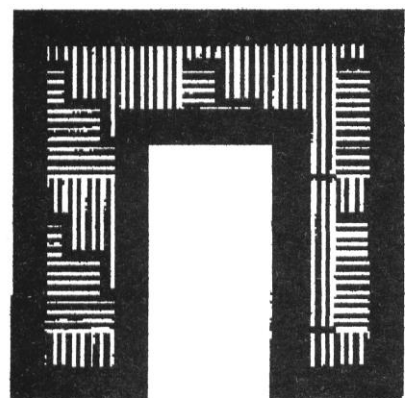

"Да что стихи! я много их знаю". Н.В.Гоголь

ГАЗЕТА

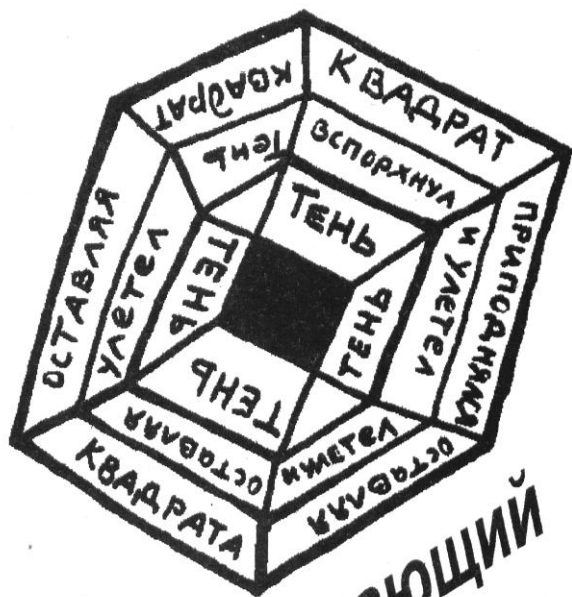

ЭЗИЯ

МЕТАГАЗЕТА
ПОЭТОВ
И
ДЛЯ ПОЭТОВ

N 11
1999

Улетающий
квадрат

УлеТАЮЩИЙ квадрат XX века

Манит
теплою лунною пылью
квадрат
несмываемый никем
и ничем
Как рог изобилия
сыплет квадрат вещами
В отсутствующей вещи
намного больше вещей
Из него выпадает ночь
и прозрачная пыльная
луна
извлечена
как корень
Сладко ноет корень
молочных зубов луны
Вот и вылетел
пыльный мотылек
осыпая пол пылью
Квадрат приподнялся
вспорхнул и улетел
оставляя тень квадрата

Неужели XX век уходит?
Дважды распятый Андрей Пер-
возванный, двойной икс, или
икс в квадрате, предугаданный в
самом начале века гениальным
Казимиром.

А, может, это гомерический
двойной хохот: Ха-Ха!

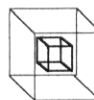
Из поэтов только Хлебников
и Ходасевич совпадают началь-
ными буквами с веком. Две
противоположности. Но “в од-
ну телегу впрясть не можно ко-
ня и трепетную лань”. Хлебни-
ков и Ходасевич - как Пегас и
кастрированный Холстомер.
Есть еще Хайдегер - поэт фило-
софов, философ поэтов. Он
один понимал, что уравнение
поэзии - бесконечное количе-
ство иксов. Чем неизвестней,
тем поэтичней. Чему равен

икс поэзии, никто не знает. XX
век -- это икс в квадрате. Или
квадрат в квадрате.

Если спроецировать
двумерный квадрат
в квадрате, получится проекция
квадрата - **куб.**

А если еще раз
спроецировать куб
в четырехмерность, получится
проекция четырех-
мерного куба.

Общая схема
проекции квадрата
в иные измерения похожа на поч-
товый **конверт**, послание из других
измерений, где
эн-мерный квадрат
слился в точку и
улетел в некую бесконечность.
Может, к нам, а, может, от нас.

Андрей Вознесенский

Настанет лада кредова --
Constanta Кедрова

ЗЕК ДЗУХ Х

Я стою босой. Я чувствую рядом священ-
ное дерево, под которым когда-то медитировал
Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей
христианской цивилизации. Собственно и вид
у него такой. Корневая система слилась со
стволом до уровня третьего этажа примерно. К
стволу примыкает прямоугольный навесик.
Над местом статуи Будды. В плане, я думаю,
это похоже на ПО, только там “п” поменьше -
по.

Я думаю, почему поэзия сейчас так ин-
тенсивна и почему так пишется, как под напо-
ром брандспойта. Вероятно, наше столетие не
успело высказать в свое время, что ему поло-
жено, и сейчас торопливо, взахлеб через нас
пытается договорить. Великих поэтов века, как
Мандельштам, Пастернак, Хлебников уже нет.
Поэтому приходится отдуваться нам. Чтoб
было понятнее людям с мышлением 19- го

века, я попробую сказать традиционно:

*Мы с тобою спрячемся от времени
здесь у океана на краю.
Кривоногий, лживый, как сирены,
неземную музыку пою.
Так пою, как никогда не пелось,
век к концу торопится, заметь,
высказать все то, что не успелось,
что другому веку не суметь*

Конечно, разговор идет только на авангардном
наречии или пост-авангардном, потому что имен-
но это - стиль XX века. Как кватроченто, клас-
сицизм - стили других столетий. Понятно, глотка
нашего века была занята воплями ужаса в лаге-
рях массового уничтожения, криками или молча-
ниями во время сражений. И вот сейчас он пы-
тается выполнить свою поэтическую норму. Мы
прочитали все. Все шедевры века. Поэтому, что-
бы было интереснее, мы должны сами стать
вместо классиков, дважды напряженно, ибо XX
века во всех смыслах является дважды христиан-
ским, и по мучениям, и по озарениям.

Специально
для ПО
из Индии

Завещание

Тем, кто будет класть меня в гроб,
Я завещаю что-то
Не облачали меня в персидские ризы,
В которых уже не облачали,
Служили Богу без риска,
Впочти либерейские,
В которые дули лишь легкие бризы,
Но душу мою облегчили —
Тогда меня облачили
В Зекову робу
Грубую —
В подлоб спецодёжде
Одной лишь надежде
Претам себя, когда побегу в утробу
Гроба я.
Нет у меня святынь орденов —
Ни великого князя Владимира,
Не преподобного Сергия,
Которых дают за усердия
В разной степени,
Но ты, Господи, тогда меня помяни
Одиноко
Ордером —
Бирку с именем убогаго на моей груди —
Ты возвел меня сам,
В высший — зековый сан,
Царством Божиим — награди.

(В день освобождения из поз стражи —
20 ноября 1984 г. Ыныкчан, Якутия)

ЫНЫКЧАН

— советский концентрационный лагерь в Якутии, где священник Глеб Якунин отбывал срок за открытое письмо патриарху Алексию I, обличающее КГБ.

Антропный
принцип

Вселенная наша такая,
а не другая,
потому что на нашем свете
правят числа именно эти.

Именно эти цифры —
Разума ког, человека явления шифры.
В основе вселенной "антропный принцип".
Вот вывод каков
астрофизиков.
Вывод этот легко обнаружить,
если порыться в научном наследии
последних десятилетий,
отечественном и английском.

Вывод это прост —
он воюг, он мост.

На пути близком
не испытываешь муки,
идя в религию из науки.

Галина Мальцева

доос

Если б эти астрофизики
да полюбили б музыку,
то их уши — тазуки,
электронные
которые
уловили б из космоса
голоса
чистые —

то великие числа
дирижеры оркестра и хора
космически —
симфонического,
мировые константы
исполняют творцу своему
кантаты
и оратории
в Большом Зале Всемирной Консерватории

Черный квадрат с четырех сторон

Специально для ПО

Небо ночью
квадрат-но
окно -

**Квад-
рый
черн**

грозой засвеченный кадр
размывает
снаружи по
формуле света

Рембрандт ван Дождь:
черное + золотое =
золотое × черное =
= солнце

спрессованное в антраците
сдавленное до алмаза

где каждая грань
режет
бритвой света
по черной
дыре
квадрата

Александр
Ткаченко

Корень квадратный из минус Я

или

Черный куб, поставленный
на одну из вершин

Фрагмент из поэмы. ФИНАЛ.

это КОСМОС меж нами и пока ты еще существуешь ты тяжел
ты встаешь одолев притяжение земное притяжение женского
лунотелого сна и тягучего поцелуя... ты встаешь ты пошел
поражая себя и прохожих несуразными жестами

невесомость меж нами пальцем ткни и летишь до другого
пальца и глотаешь разлитый и капельный кофе из чашечки
непомерного неба слыша чей-то рассыпанный говор
сквозь тела пробираясь прикрутив по ушам бинокли-очки

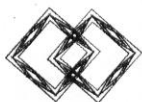
и на уровне красных и белых телец и на уровне клеток
в расстояниях тысяч парсек ноют наши отдельные формы
но в ресницах глаза инфузорны все прошедшее лето
выплывают из слезящего моря упоительны так и тлетворны

в них вселенные - луч прищуренных век указал точку входа
и выхода и ТРИ ОС нас пронзило как мысль и как мысль
космос только внутри космос только снаружи и природа
тонкий слой между тем что смывает прибой и тем что не СМЫЛ

так мы хрупко хромаем и себя то отнимем то сложим
мы косматики нашей земли мы астматики нашей погоды
греем формы на солнце натянув на кустарники кожи
и вдыхаем в полгорла звезд и ветров безрассудные орды

Полностью
поэма
опубликована
издательством
ФИШЕР в серии
"Библиотека
ПО"

Бог из кровельного железа
громыхнул в небесах.
И трава народилась, как никогда зелена.
Гражданин чистит зубы в одних трусах,
будто есть еще свет и его страна.

И слюна, матеряя, как винь шампань,
ходит в горле бутылки,
чтоб двинуть в нос.
Он имеет смысл потайных Шамбал
и имеет женщину без колес.

И мать имеет, покойницу под крестом,
под клумбой, где блеклые васильки.
Вроде все в порядочке, все путем,
Шевелится сын и встает к восьми.

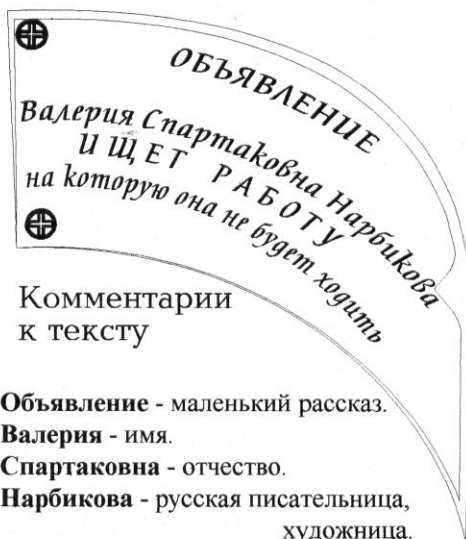
Но иногда получается срамота,
нескладуха, нелепица, барахло.
Зубы вдруг выскакивают изо рта,
и трусы вдруг выпархивают в окно.

А сынишка хватается за пистолет,
и ему условно дают расстрел...
Гражданин смотрит в зеркало много лет,
понимая, что как же он постарел.

Понимая, что сколько ни трешь фасад,
а все оказываешься с мурлом.
Чу!.. Как сказано было сто лет назад.
Ба!.. Тогда же писалось сырм пером.

Но то, что в мире пропала ось,
кому поведаете? Лишь жене,
и то наощупь, и то впроброс,
в пижаме спрятав свое желе.

И гражданин открывает рот,
дает улыбку в тыщу фаз.
В стене есть ось в двести двадцать вольт,
коль руки вымоешь, то как раз...

Комментарии
к тексту

Объявление - маленький рассказ.

Валерия - имя.

Спартаковна - отчество.

Нарбикова - русская писательница,
художница.

она - красивая женщина.

работа - один из видов насилия.

будет - нет, не будет.

работа, на которую

она не будет ходить - это такой труд,
от которого трудящийся получается
наслаждение, а работодатель дает
вознаграждение.

телефон - до ре ми

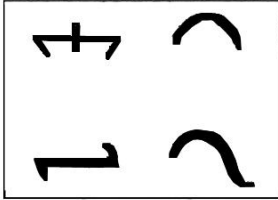
факс - до ми-бемоль фа-диез

Игорь Ревякин

Специально для ПО

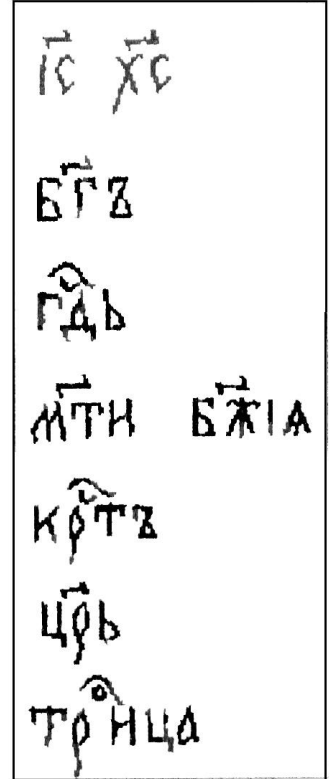
Титло

В церковнославянской письменности славянского извода титлом называется надстрочный сократительный знак, указывающий также и на числовое значение букв. Титло возникло, видимо, в латинской письменности, вошло в изобретенную в I в. до Р.Х. Тираном систему контракций, откуда проникло в греческое, а затем в славянское письмо. Само название знака восходит к греч. Τίτλος (titulus) – "надпись", относясь к вполне конкретной крестной надписи Христа (Ио 19:19: цит.по Острожской библии).

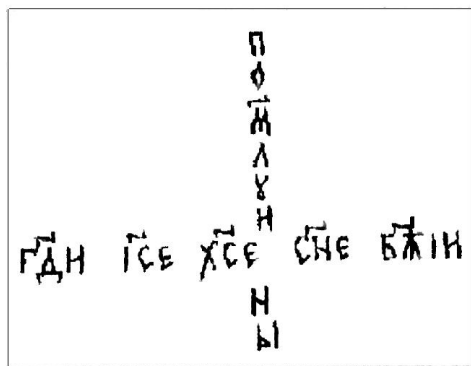
В синодальном переводе слова "титла" заменено словом "надпись". Таким образом исходно титлом называлась надпись на доске над главою Иисуса Христа, прикрепленной к Его Кресту, на которой на трех языках была сделана надпись "Исус Назарянин Царь Иудейский". Следовательно, использование данного термина применительно к сократительному штриху является метонимическим переносом: обозначает невидимое присутствие над словом крестной надписи Христа. Графически начертание титла прямо соотносится с рукописными изображениями крестов, в частности в качестве заставок и разделительных знаков.

Репертуар подтитленных написаний с развитием письменности изменялся и упорядочивался, но основа его, порядка 30 слов, оставалась неизменной. Характерно, что крестная символика титла и его священный характер прямо соотносились с молитвенной практикой. В книге Константина Костенецкого, например, мы встречаем Иисусову молитву, записанную крестообразно, причем все слова сокращены и стоят под титлами. Там же, в книге "О исьменех", в виде последовательно затитлованных написаний представлены молитвы большого начала: Трисвятое, Славословие троиче и др. Без титла и полностью написаны лишь слова, относящиеся к греховной природе человека и потому лишенные святости. Это и понятно.

Написа́же ѿ тѣтла пѣа́тъ, ѿ положи
на крѣ́тъ. Бѣ́ же напѣ́сано, іс наза́ранѣнъ,
црѣ́ ѿи́удѣнскыи. Сего́ же тѣтла мнози
что́ша ѿ ѿи́удѣн... ѿ бѣ́ напѣ́сано,
ѿвѣ́йскы, грѣ́ческы, рѣ́скы писменѣи.

С представлениями о священной природе титула и соответствующих написаний связана и знаменитая триязычная ересь, победа над которой составляет важную часть общеславянской христианизации. Спор, по сути, шел именно вокруг титула: отсутствие славянского архетипа крестной надписи означало, по мысли противников солунских братьев, недопустимость славянского перевода. Иначе говоря, вина Христа получила значение священного имени, освящающего весь язык. И, напротив, появление славянского варианта титула открывало путь к новому священному языку.

Вопрос об источниках подобных представлений разъясняется самой структурой подтитленных написаний, когда в середине слова опускаются одна или несколько букв (чаще гласных), так что в пределе остаются только начальная и конечная или, как в пилатовой надписи, и вовсе лишь начальная, а пропуск (стяжение) обозначается сократительным штрихом. В 1907 г. в книге "Nomina sacra" Людвиг Траубе выдвинул гипотезу, согласно которой сокращенное написание христианских священных имен восходит к неогласованному Тетраграмматону, причем не прямо к еврейскому тексту, а к переводу Септуагинты, где имена Бога и ряд других священных имен уже в дохристианское время выделялись золотом и серебром. Но, поскольку эллинизированные иудеи, для которых, собственно, и предназначался перевод 70 толковников, в равной степени принадлежали как древнееврейской, так и греко-римской античной культуре, в их свитках появились не только латинские сократительные штрихи. Контракция священных имен стала в равной степени возводиться к греческой скорописной традиции сокращения императорских титулов (что показал в 1915 г. Г. Рудберг).

СЛѢВА ШЦУ И СНУ И СТОМУ ДХУ

В этой двойственности трактовок заложен глубокий смысл. Само слово "благовестие" связано как с императорским культом, так и с Книгой Исаяи. Иисус пришел "как власть имеющий", как "царь иудейский" – и к Нему в полной мере применимы греко-латинские контракции. Однако пришел Он как Царь другого мира – потому здесь уместна иудейская традиция. Благовестие об Истинном Царстве – вот смысл Евангелий: обозначение слов Истинного Царя, умершего и воскресшего, – вот истинный смысл титула. И если в иудейской традиции контракции обозначали прежде всего Божье величие и непостижимость, то в традиции христианской присутствует возвеличивание через умаление. Слова пишутся под титулом, но "малыми буквами" и никак не украшаются. Так письменность выражает единство во Христе двух природ. Характерно, что несторианской письменности, как установил в 1959 г. А. Паап, прикровенность священных имен несвойственна. Это понятно, поскольку несториане отрицают божественную природу Христа и, следовательно, не нуждаются в системе священных контракций.

Таким образом, титул как важнейший элемент священного языка имеет глубокую богословскую символику, что подтверждается и отечественной церковной историей. После никоно-алексеевской реформы среди старообрядцев начинаются тесно связанные между собой по существу споры о форме креста, о правильном написании титула и о печати креста на просфорах. Хорошо известна челобитная соловецкого дьякона Игнатия царю Алексею Михайловичу, в которой он доказывал, что титул ИИЦИ еретическое. В дальнейшем это мнение приняло большинство беспоповцев, что прямо соотносится с их представлениями об утрате священнической благодати.

"...ЕЖЕ ЧТО СТО И ГДВН
ОУГОДНОЕ, ТО ПИШЕТСЯ ПО
ТИТУЛОМЪ. А ЕЖЕ ЧТО БГУ МЕРЗКО
ПАДШЕЕ, ТО ПИШЕТСЯ ВСЕ СКЛАДОМЪ."

Сон Алёны Павловны в ночь перед Рождеством

Россия возрождается. Возвращаются прежние имена городам и улицам. Воскресают старинные ремесла и народные промыслы. Многие храмы и монастыри, в которых в советский период находились складские помещения, лагеря и колонии, возвращены церкви. Ужасающим напоминанием о прежнем времени осталась нынешняя система исправительных учреждений, уродливая и бездуховная. **Пора всенародно покаяться всем до единого и превратить лагерь в монастыри.** Пусть для начала они будут исправительно-трудовыми монастырями строгого режима. Ведь именно идея раскаяния заложена в самой сути христианства. Вспомним, например, Благоразумного разбойника, который был распят одновременно с Христом, уверовал на кресте и вошел в Царство божие. Что как ни строгие правила монастырской жизни: посты, молитвы, красота богослужения, - могут изменить душу нарушителей закона. Есть обычай делать татуировку с изображением храма, в котором количество куполов определяет количество "сходов". А если лагеря действительно превратят в монастыри, то каждый заключенный сможет сделать татуировку с видом своей родной обители. А ведь как замечательно могли бы нынешние власти

укомплектовать специальные монастырские службы из строгих и авторитетных священнослужителей и верующих добровольцев, способных поддерживать порядок: художников, музыкантов, поэтов, милиционеров и бесчисленной армии экстрасенсов и целителей, способных своей энергией и добрым словом воздействовать на разрушенные души и тела заключенных.

Но самое главное значение для исправления приобретает красота. Даже такие элементы охраны, как колючая проволока, решетки и вышки, должны быть прекрасны. Продуманные художниками, архитекторами и скульпторами - воспитанниками школы Глазунова и последователями Церетели, они должны поражать своей гармонией и красотой форм. И одежда на заключенных должна быть эстетически совершенной. Ведь разработал же Зайцев одежду для милиции. Так почему бы не сделать такой же подарок и для заключенных? На территориях многих колоний находятся так называемые школы, в которых обучают изготавливать телогрейки, тапочки и сетки. А ведь среди преступников много людей талантливых, если не сказать гениальных - особенно среди мошенников, аферистов, карманников. Их золотые руки могли бы сослужить добрую службу России. При соответствующей системе обучения эти люди пополнили бы ряды ученых, разведчиков, космонавтов, шахтеров, пожарников, монастырских служащих. А для не желающих вести себя в соответствии с уставом монастыря, должны быть сохранены карцеры и штрафные изоляторы, но опять же, превращенные в "отшельнические". В исключительных случаях к таким заключенным может применяться порка. Согласитесь, что безобидное телесное наказание куда эффективнее душевной травмы. В самых исключительных случаях заключенные безбожники должны быть изолированы от сознательной массы и сосланы в специальные остроги - богадельни, где опытные специалисты смогут помочь им обрести душевный покой и равновесие. Да и сам суд должен состоять не только из государственных чиновников, но и из церковных служителей. В этом мне видится одно из проявлений единения церкви и государства. И только благодаря их союзу, Россия сможет вернуть утраченную мощь и знаки православия будут определять вектор жизни

(Сокращенный вариант)

Праздник

Унитаз
Этот нужный предмет
Ютится
На задворках квартиры
В темной
Комнатушке
Туалетной
Вот бы
Переместить его
Установить
Посреди квартиры
На самом почетном
Месте
Разукрасить
Растительным орнаментом
Приладить

Вызолоченные подлокотники
Да чтобы бачок
Метра на два
Поднять
Пусть поет
Утроба
Унитазная
Развлекает
Очередного гостя
Трю лю лю
Гу лю лю
Три дру ли
Ли ли ли
Вони прибавится
Да ничего
Зато праздник какой

Наша история

Эволюция
Размножение
Концентрация
Населения
Проявление
Сознания
Гармония
Мироздания
Изучения
Изыскания
Облучение
Вымирание
Цепная
Реакция
Атомный
Ураган
Пауза
Торжество хаоса

Рис. А. Мартыновой

Математической смекалкой
Стальной хваткой
За горло нас
Ни вздохнуть
Ни охнуть
Делай
Что велят
В столовке
Предлагают
Кусок необработанного чугуна
Гарнир
Жареные гвозди
В ресторане не лучше
Швырнут
Как скоту
Древесные опилки
Под мазутным соусом
Жри
Спиртного
Ни-ни
Ни капли
Не заведено
В баню притащиться
Вместо пара березового
На носилки
На носилки
И в химчистку
И в химчистку
Цивилизация

Стальная хватка

Нефть

1.

Жизнь моя на середине, хоть в дату втыкай циркуль.
Водораздел между реками Юга и Севера - вынутый километр.
Приняв его за туннель, ты чувствуешь, что выложены впритирку
слои молекул, и взлетаешь на ковш под тобой обернувшихся недр.

И вися на зубце, в промежутке, где реки меняют полярность,
можно видеть по списку: пары, каменные и петлистую нефть.
Ты уставился, как солдат, на отвязанную ревливость.
Нефть выходит бараном с двойной загогулиной на тебя, неофит.

Ты ли выманил девушку-нефть из склепа в сады Гесперид белым наливом?
Провод ли высоковольтный в купальню упал, и оцепенело кино?
Оседает труба заводская в чехле под направленным взрывом.
Нефть идет своим ходом глухим, вслед за третьим, которого не дано.

С этой нефтью, как с выпуклым зеркалом, - словно игры с орлром без перчатки:
ты качаешься ближе и дальше - от клюва его увидишь.
Не дает разойтись на заблеванной, синей вагонной площадке.
И похожи, как две капли нефти, капля нефти, бассейн с Хуссейном и Лувр.

Ты прошел эту стадию на цыпочках по указке аравийского властелина,
ведомый за волосы по отвесу, где выжить не предполагал.
Стоя на кадыке, а проверить - на точке плавления парафина,
ты вцепился в барана подземного и - ввинтил ему по рогам.

Как кувшины, в кладовую тьму уходя, острые ставят на ней пятерки,
ободками вещей в моей жизни запомнилась первая треть.
Скрыты убийцы, но ребристые палки, как неонки, оттеняют подтеки.
Пальцы Тюльпа бродят по моргу, тычут в небо и находят там нефть.

И когда она вышла на волю, применила с черня она онемение,
так светлеет песок под стопой и редает после взрыва топта.
Перебежки ракушек и вспышек под серпами затмения,
наполнение почв крупным планом... И ты понял, куда ты попал...

Ты бы в бочке белил ее утопил, но ответил ей абсолютным безделием,
и прервал свои поиски, отключив зеркала в непохожих вещах,
и пока она медленно шарит, подобно в Бермудах бессвязным флотилиям,
осторожно, как иглы меняют на шприцах в отхожих местах,

и пока она ставит баррель на баррель свои желтоватые башни,
и пока она на веревочке водит самонапрягающееся слепое пятно
серебристых хранилищ, схлопнувшихся в направлении внешнем,
и пока на изнанке твоей лобной кости она пробегает диалоговое окно,

и пока ее пробуют пальцем татары и размазывают по скулам,
и цивилизации вязнут в ней, как жучки, попавшие в интернет,
пока мы приклеиваем лепестки на носы, валяясь по нефтью залитым скалам,
и пока постель наша пахнет нефтью, что - удвоенный бред,

и пока в длинном платье, с высокой прической ты похожа на ложку -
так наивано срису, - пока чувствуешь под каблуком нефтяной запас,
пока царствуешь, злясь на себя, существуешь, царапаясь немножко, -
разновес расстояний - в пользу нефти, разделяющей нас,

там где реки к друг другу спиной слушают колокольцы Валдая,
пока сон заставляет жевать стекло, но следит, чтоб его ты не проглотил,
сердцевина земли тебя крутит на вагонных колесах, сама собой не владея,
нефть подступает к горлу. Ее на себя тянет, к ней жметя прибрежный ил.

2. Долина Транзита

Шакал и ворона: ни внешней ни внутренней крови
меж ними. Вдали нарисован дымящийся динамит.
Их контуры на честном слове уже наготове
покинуть ядро черноты и принять незаконченный вид.

Над ними баллоны с речами дрейфуют - листается комикс
на пляже остистом, подветренном. Заперся грот-новодел.
Разведрилось. Стало понятно, что врытый до пояса
фотограф был сварен из бронзы, и ни на кого - наводил.

Я спрятал оружие, связь отключил и свернул в Долину Транзита.
Прощай побережье смешное! Чего я искал?
Альдорфер не скажет и Дарий. По зеркалу заднего вида
хромала ворона, клевал и маячил шакал.

Долина в горах пузырилась и напоминала соприкосновение пауз.
Пчела над обрывом, внизу - полигоны пладаторских школ.
Стеклашки подстанций и трубопроводы за ярусом ярус..
И ругнутые дифты с тенями нефтяников штырями усеивали котел.

Как два электронные скрутка, заметив друг друга, пропали
взаимно две тени - ворона, и чуть задержавшись, - шакал;
как две электронные даты, ознобно стирая детали..
Долина, напротив, раскручивалась и припоминала аркан.

И каждый участок района был точно вмененный в разметку,
он пуст был, но и сверх того, на чудесный порядок пустей,
как кубик, который всегда на шестерке, внушает догадку
о мнимости как бы пяти остальных плоскостей.

Изъяты частично: постройки, развязки, проходы и вышки.
И эта изъятость царит и дует в подпольный манок.
Двойник ли, свисая с орбиты, хватал человека подмышки:
за локти - в замок и - в потемки (как через борта - на полук).

В дверях арсенала провидица явилась, стакана не допила,
и так неуверенно, словно по глобусу пальцем ведет
и путает авиалинию с маршрутом подводного кабеля,
(а в этой растяжке сознания ни шагу не сделать вперед).

"Мы ждем приближения нефти", - сказала, чертя пирамиды
на воздухе, - "Остальные обжили ржавеющий флот,
в акустике танкеров сонных, пока мы в Долине Транзита,
скользят по мазуту и в перегородках вепаются через год.

Другие в ущельях кочуют и здесь появляются редко:
прекрасное ловят мгновенье - и эта задача проста -
кто может из правильной пушки выбить центральную скрепку
арочного моста"

Бесхозная, в стратосфере зависшая на отметке,
где еще рано для парашюта, в летаргической высоте,
эта долина, разбитая на кривые клетки,
похожа на дирижабль с солнечной батареей, на полухолостом винте,

с терпением геологическим, с опорой на ожидание,
с истерикой, что не отнять, когда уже вспыхнула сеть:
соляризованное изображение короткого замыкания
долины, облившейся нефтью, верней - опрокинутой в нефть.

Здесь роль астронома и историка мне показалась притворной.
"Нефть" - я записал, - "это некий обещанный человек,
заочная память, уходящая от ответа и формы,
чтобы стереть начало, как по приказу сына был убит Улугбек".

СВЕТ ЗЕМЛИ

Косте Кедрову

Стал я видеть Свет обратный
Незаметный Ненаглядный
Свет от моря - Ласковой листвы
И от каждой Умной головы -
Северным сиянием
Всплесками красивыми
Пролетели птицы
Дерево лучится
Желтыми и синими
И еще от леса
Дышит полоса
Дальние границы -
Алые зубцы
И при этом Нашим светом
Вся Вселенная Лигается
Звезды - Каждый астероид
Стать Землей при том пытается
Глупый камень Астероида
Разумеет ли он Что это?

Свет вечером Такой От океана
Что небо Освещает Как ни странно
Свет от скалистых гор От минералов -
Я видел сам Как в небе Засверкало

Свет от лесов Мерцающий чуть зримо
И тнойным пузырем Свет от Москвы От Рима
В Неваде - свет Грибом на полигоне
И свет от разума - Вселенскими кругами

Наш
Париж

Елене Кацюбе

Париж
'1999'
Москва
Парк
развлечений

Кролики и дети Катятся По набережной
Муж на роликах - С беременной женой
Сколько неба Над высотами Парижа -
Прогуляемся И выпьем Решено

Букинисты Шкафчики Открыли
Изучают их носы Бержерака и Гиньоля
Вместо книг - Бутылки Рюмки и стаканы
Сколько стоит Выпить Гюи де Мопассана?

Славно! Выпил бочку Анатоля Франса -
Солнца ветра над Сенной! - Полосатого шарфа
Слышно шуршат От Барбеса Др Монпарнаса
Поезда И в воде Отражается месса

Гарсон в адтаре Этой старой Конторы
За столиками Студенты И серые химеры
Язык ползет из щели Блеснули пивные амурь
Здесь вино Борис Вуан Говорят: "Ca va! Bien!"

К нам в квартиру фирма прислала
Мастера, который починил и обил
нашу входную дверь. Красиво и
аккуратно. Оказался Физиком
по профессии.

Физик Дерматинном Обивает Дверь
Президент Подняв капот Копаются в моторе
Полицейский Террористу Бомбу починает
А поэт закрыв глаза Законы сочиняет

Дети! Сумасшедшие! Аттракцион для вас
Сели - И поехали Белый унитаз
Гении летают И - Изобретают
В их руках Идеи Радужные тают...

Все! Прекращаем "Движение истории"
Трюмы задраили Окна зашторили
Кого - на перековку Кого - на переплавку
Уборку затеяли Перестановку

Хотите Вместо шляпы Профессора наденьте
Кадиллак с отверткой Копаются в президенте
В полиции Бомба Допрашивает террориста
А поэту вовсе Не осталось места

хайку

Молочные реки, кисельные берега.
Лужи, погосты.
Русский взгляд - исподлобья и свысока.

Анжироуджанн вахаарсанов
новлагуудгов шийжиячана
меняется родная речь.

С компьютером писатель стал похож
на пианиста.
В отсуствии зала.

Потому
когда позвонен стн с котом,
бываюи исключения из правил.

Зои собираюи грибы и малину с куста.
Зои собираюи пустые бутылки в помойке.
Я, если что собираю, то чемодан.

Мир, простирающийся в мыле,
где топ-модель и хитй парад,
и киллер, дилер, хилер, тириллер...

Мне говорили странные слова:
"зарплата будет", даже - "счастье будет".
Как странно, что не дали ничего.

август 98

Владыке Василию (Родзянке*)
17 мая 1999

Начало двадцатых. В России бедлам,
Полная неразбериха в России.
Россия расколота пополам
Какой-то массовой шизофренией.

История входит в новый виток:
Видишь, швартовы уже отдали?
Слышишь последний пароходный гудок?
Кончено. Белые проиграли.

Русский мальчик на корабле
Синь горизонта глазенками ловит.
Что его ждет в незнакомой земле?
Что ему век двадцатый готовит?

Век к нему оказался строг,
Были денечки очень лихие.
Век одного лишь сделать не смог:
Не смог отнять у него Россию.

И там, на чужбине, ночью и днем,
Зимой и осенью, весной и летом
подобно лампадке теплилась в нем
Россия своим несказанным светом.

Бежали годы в стране далече.
Казалось, разлуке не будет конца...
А Родина уж готовила встречу,
Выращивала пиршественного тельца.

Копоть скитаний и даже бедствий
Многому учит. Полезно иметь его.
Но главный момент любых путешествий -
Приземление в Шереметьево.

И этот момент настал для тебя,
Дорогой наш, владыко Василий,
И нам остается воскликнуть, любя:
Многая лета тебе в России.

*Епископ Василий Родзянко - внук последнего председателя дореволюционной Государственной Думы России. В 5 лет вместе с родителями оказался в эмиграции в Сербии. Во время войны стал православным священником. В годы диктатуры Тито осужден на 8 лет за религиозную проповедь. В 1955-80 гг. организовал и вел православные передачи на Би-Би-Си.

Букво-тека

Книга природы, книга природы... Нет никакой книги, как, впрочем, и никакой природы без предпосылания вселенской пустоте слова Природа, тут же материализующего эту пустоту. И природ так названных (или так называемых) столько, сколько людей, сказавших так. Неравнодушно сказавших. Лишь несказанное равнодушно. А сказанное никогда равнодушным не бывает. Вот почему "равнодушная природа" не бытийственна.

Нет и законов природы, потому что в природе, нареченной так для рода, нет абсолютной пустоты, абсолютного отсутствия трения, абсолютной тьмы-тишины, а "законы природы" именно про это.

А что же тогда есть? Есть знаки без значений до - вавилонских столпотворенческих времен, разбрасываемые такой вот антропной природой в звездные свои часы золотых ливней и серебряных гейзеров, колких от клиньев, взвитых от иероглифов и округлых от литер. Они-то и есть материя для слов, иноязычий и препинаний после столпотворения. Хаотическая буквотека Всего, до поры немолчающая, но уже членораздельная, как грядущая человеческая речь; но, слава богу, еще необыденная - потому что несказанная, но и потому же - несказанная. "Несказанное, синее, нежное..." Буквотека для языкотворчества, то есть для поэтической речи, высоковольтно живущей меж звуком и смыслом. Это и есть язык, на котором (и только на нем!) звезда говорит со звездой в пору звездопадов, а в паузах между звездопадами - не говорит. Но говорит знаками-значениями-знаменами своих земных - наскальных и пещерных - обличьях (первородно), а молчит испарениями, излучениями и прочими флуктуациями по "законам природы", которых и которой нет - покуда не наречены именем, вспыхнувшим из букв звездной буквотеки - прапамяти Всего.

Темпля-Тутля

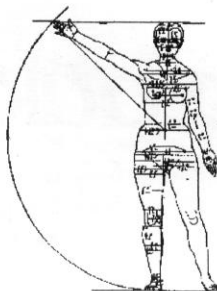

Рис. Альбрехта Дюрера. 1520-е годы.

Начистив саламандровые туфли
И нарядившись в лучшее своё,
Я вышел в честь кометы Темпля-Тутля,
(Неважно, где я вышел - там ли, тут ли,
Но важно, что я вышел в честь неё).

А.Р.

Поджилка каждая моя дрожала,
А тьма темнела прежде, чем расцвести,
Как вдруг пошла молочная кружава,
Луны рифленой истончилась жесь.

И звезд числом примерно тысяч на сто
В мешок Вселенной, как в мешок простой,
Просыпалось... И это было счастье -
Счастливень, ливень, ливень золотой.

На ощупь ледяной, а с виду летний,
Пунктиром соединивший низ и высь,
Мой первый звездопад и мой последний
Озаревал мою ночную жизнь.

И от ожогов звездных прорастали
Рельефы литер, а не пустота,
Чтоб и слепцы те буквы прочитали
С листа. но только с черного листа.

А тот, кто был не слеп, следил воочью,
Как сколы звезд, в пике сойдя на нет,
Вот-вот сойдутся вновь и этой ночью
Универсальный сложат алфавит.

Но Темпли-Тутли прихотлива заметить:
Вот-вот еще не значит так и есть.
Пока что пробуждалась только память
О том, что было, и, тем самым, есть.

Озверевал, озоровал трикраты
Тот звездопад и, чувство воспалив,
Повел меня к прапращурам куда-то...
И проступила клинопись Ефрата,
Египетский встлал иероглиф.

И консонанты - вести Иордана -
Всклублились ни с того и ни с сего...
А настоящее сошло с экрана,
Как будто вовсе не было его

Между небом и землей

Главное предназначение Слова - дематериализовать видимый мир. Слово должно проглотить Камни, Растения, Животных, Вещи и даже Людей, а вернее их плоть. В его утробе материя преобразуется в ингредиент, вступающий в химическую реакцию с другими ингредиентами - результатами интеграций, на которые оказалось способным другое Слово...

О том, как действует мозг, чтобы родить Слово-Бога, можно сказать следующее. Над первыми словами трудится в основном подкорка, способная на аффекты. Кора лишь на подхвате: она умеет ощущать, но еще не может как следует ни видеть, ни слышать. Нервные клетки подкорки расположены в глубине мозга. Они подводные царства в Океане психики. Главные ее маяк - лобные доли - светят издалека, где очень высоко. Такое аффективно-чувственное, сенсорное Слово рассчитывает в основном на свои телесные силы. Приобретая опыт, оно умнеет... Дно слова (подкорка) погружается все глубже, жизнь перемещается на поверхность, в кору мозга. Господство ощущений сменяется господством представлений... Наконец, появляются слова, которые совсем близки к поверхности воды.

Такие, как Вы, Алина, являют собой один из редких вариантов исключительной психики, а может быть, и ее гениальности.

Скрытые пружины этого явления не только в том, что Ваш дух вознесся выше духа других людей, но и в том, что тело Вашего Слова не желает сдавать позиций его Духу... Раздражение от бессилия выливается у Вас в такие образы как плеватьница "...свидетельница харкающих бессильных бесед с вечностью". Ощущения, которым пора бы уgomониться (в соответствии со срезом эволюции), рожают в воображении "надкушенный мягкий трепет, тихо, вежливо смятый,

Я война. Я конвой постоянный невнятных служителей яви. Трепещал бляде-бог. Хищный гоблин смеялся над нами. Молодые солдаты в бесстыдное небо стреляли Из заряженных пальцев. Легко умирать молодым.

Что увидел Мисима в обыденных солнце и стали? Что желает охотник узнать от убитых самим? Молодые солдаты в бездарное небо стреляли Из заряженных пальцев, тревожный хватающих дым.

Удивительный хищник, гуляющий мимо, скучает. Бляде-бог беззащитен, как желтый резиновый пупс. А в колготки лолитины кто костыли одевает?.. Кто лолитины ножки себе наматает на ус?

Аналитик нулей и анальных туманов? Криминальный лунатик тюрьмы и карманный маньяк? Кокаиновый принц и ценитель опасных обманов? Или Гумберт неловкий, с которым понятно и так?

Капитан темноты. Абсолютных нулей атеистка. Пистолетная блядь. Проститутка убитых солдат. Моя мертвая плоть, как дурная невеста, повисла На красивом скелете майора. И падает в ад.

Вместо черных квадратов, квадратов, квадратов, На стене человек, человек, человек на стене. Человек (не червяк!) (не ручной оловянный солдатик!) Это нравится, нравится, нравится мне.

Сумасшедший куратор, куратор, куратор, Топора или каторги дьявольский друг, Вместо черного ада ручного квадрата, Ты повесил Малевича, глупо одетого в старый сюртук...

острожно отброшенный окончанием". Есть и строки - свидетельства победы самой высокой коры. Цитаты эти - жемчужины поэзии, хоть и созданы разными по рангу нервными клетками.

Алина, Вы владеете всей вертикалью психики, т.е. тем ее объемом, которым не владеют другие люди Вы - человек и прошлого, и настоящего и будущего одновременно. Вас одолевает и ненасытное слово-каннибал, и слово-ощущение, и слово-чувственный раздражитель, и слово-образ, и слово абстрактный знак. Значит Ваш мозг вибрирует всеми его этажами и закоулками. Те его области, которые должны были замолчать или же по крайней мере, говорить шепотом, не желают подчиняться этому требованию. Безусловно, Вам трудно. Недаром

люди освобождены от этого, на законном основании. Вы же - вне законов, разумеется, не тех, нарушение которых Вам инкриминировалось, а законов эволюции. Вы - воплощенный бунт, может быть, и беспощадный, но уж точно, не бессмысленный...

Вы не имеете права не состоять далее. Не обращайтесь внимания на претендентов в "психические гинекологи". Пути Вам!

Почитательница Вашего Творчества Т.Визель, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, консультант центра патологии речи.
(Письмо дано в сокращении)

От редакции.

В № 10 в тексте А.Витухновской "Триста кровавых пятен" в 15-ой строке вместо слова "коллеж" следует читать "калек".

Григорий Пасько

Военный журналист
Владивосток

В кабинетах - портреты усатых:
Феликс рядом с иконой отца.
Примеряют мундиры тридцатых
Кагэбешники века конца.

Позабыты шаги перестройки
В коридорах навечно глухих
Возвращаются способы "тройки",
Применяются методы их.

Узнаются прошедшие годы
И в разгуле "шпионских страстей":
Проверяют на крепость свободы,
Примеряют забытый кистень.

Отмечают хорошей зарплатой
Их усердные снова труды.
И, как прежде, как в тридцать проклятых,-
В холуях - прокурор и суды.

Прошлой жизни кровавый сценарий
...Обжидают холодные нары
Внуки строивших зоны зека.

22.10.98 г. Следственный
Изолятор.

Кунст-
камера

"Газета ПОэзия"
№ 11, 1999.

Учредитель группа ДООС
(Добровольное Общество
Охраны Стрекоз)
при участии Всемирной
Ассоциации писателей
(Русский Пен-клуб)
и ФИПА - Международной
ассоциации поэтических
обществ (ЮНЕСКО).
Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров.

Редакционный совет:
профессор В. Вестстейн
(Нидерланды),
А. Витухновская,
Е. Кацюба (отв. секретарь),
профессор Т. Латауэрс
(Нидерланды),
В. Рабинович (профессор
кафедры Философской
антропологии МГУ),
В. Нарбикова,
Г. Сапгир,
А. Ткаченко (ген. секретарь
Русского Пен-клуба),
И. Холин.
Логотип : М. Молочников.
Рисунок на с. 1: К. Кедров
Макет и оформление:
Елена Кацюба.
Издатель Елена Соловьева.
Тираж 999 экз.

107078 Москва, Б-78,
а/я 250
Подписной индекс по ка-
талогу Департамента
Минсвязи РФ 43192

Борис Бим-Бад

Ректор Университета
Российской Академии Образования

Первое стихотворение я написал в страшном для меня 53-м году. Только что умер Сталин, и я-то в школе привык его боготворить, а тут я оказался в деревне и, наверно, оттого, что Сталин умер, крестьяне могли быть откровеннее, чем прежде. И я был потрясен, что при слове, при самом стечении звуков "Сталин" крестьяне - подмосковные! - сжимали кулаки. Это было страшное впечатление детства. Но понять их очень можно, потому что за каждую голову курицы нужно было платить бешеные налоги, за каждое дерево тоже, поэтому все вырубалось. Голодали страшно. Мы из Москвы привезли с собой картошку в деревню, в деревне не было картошки. И мальчишки местные прилипли к окнам в первый день, когда мы сели картошку есть. Их, конечно, позвали, они объелись, и некоторым стало тут же плохо. То есть было очевидно, что они за всю свою жизнь досыта не наедались - картошки, в деревне. Безжалостность сталинизма в отношении к крестьянам меня абсолютно потрясла. Тем более, что все-таки какие-то корни у меня крестьянские, по семье, и вот тогда я и написал свое первое стихотворение, вот эту вот страшную клятву про правду и про все такое, дайте припомнить:

Я знаю о том,
что ждет меня с правдой моею потом,
святой мой студенческий первый обед,
и ряд незабвенных учения лет,
и первые правды открытой слова,
и первые книги. Наверно, тюрьма...
(вот знак времени, да? Мальчишке 12 лет)
За страшную истину, длинный язык...
и так дальше.
Это было первое.

Тамара Приходько
Специально для ПО